

АВТОБИГРАФИЯ
ДОЦЕНТА МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА БОЛТЕНКО,
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
(все даты по нов. ст.)

Родился я в 1888 г. 2.IX в окрестностях Осовца Белостокской обл. БССР и до 1893 г. жил с родителями в г. Гродно, служебной базе моего отца — военного топографа. Переход отца в 1893 г. на работу вдоль проектированного тогда Великого Сибирского Пути заставил нашу семью в составе отца, матери и меня переехать в Иркутск. Где я в 1898 г. начал свою школьную учебу в Иркутской гимназии. В 1901 г. после короткого пребывания в Омске и посещения родины моего отца в с. Виноградовке нын. Кировоградской обл. и матери в г. Измаиле (ныне область), мы переехали в Варшаву, а оттуда в 1904 г. в Одессу, где я в 1907 г. закончил свое среднее образование в Одесской 2-й гимназии и в 1921 г. Университет по историко-филологическому факультету, где я одновременно занимался на группе всеобщей истории исторического отделения и на группе реалий классического отделения, чтобы специализироваться таким образом на древней истории, овладевши языками культурных народов древнего мира, иметь возможность самостоятельно работать над письменными и вещественными первоисточниками древней истории нашей Родины. Непосредственным руководителем моих занятий был проф. древней истории в Ун-те Э. Р. Штерн, все общие и специальные курсы которого, независимо от того, для студентов какого курса они предназначались, я прослушал за первые два года своего пятилетнего пребывания в Ун-те 1908 г. Я, еще студентом 2-го курса был привлечен Штерном к участию в составлении «каталога указателя» тогда реформированного и расширенного Музея Одесского Общества Истории и Древностей при чем я один выполнил половину всей работы (пять залов из десяти, если не считать вестибюля), при том наиболее ответственную, поскольку 3/6 моей работы составляли новые залы, заполненные результатами последних раскопок 1890-х — 1900-х г. г.

(Феодосия, Аккерман, Патрены, о. Березань), где работа не облегчалась наличием старых каталогов, как это имело место у моих трех товарищей по работе — студентов 4-го курса, а приходилось составлять самому совершенно новый каталог, пользуясь указаниями профессора и специальной научной литературой. После того Штерн привлек меня с 13.VI.1909 г. к участию в своих раскопках (1909 и 1913 г. о. Березань, 1912 Аккерман) какое продолжалось и по окончании мною Ун-та (1912—3 г. г.) при чем я был его единственным помощником на раскопках. Раскопки 1914 г., запланированные в с. Бородине (Южн. Бессарабия), для научной проверки условий нахождения известного Бородинского клада, не состоялись в связи с началом 1-й империалистической войны и сам Штерн, еще в 1911 г. избранный профессором древней истории в Галле-Витенбергском Ун-те в Германии и в 1912—3 г. приехавший на раскопки из-за границы, не мог приехать в Россию из-за начавшейся войны. В 1913 г. 9/X я, после последних березанских раскопок со Штерном, был избран действительным членом Одесского Общества Истории и Древностей, а в 1915 г. 25.XII делал там специальный доклад «Римский поэт о Черном море» (поэма Гая Валерия Флакка конца I в. н. эры «Argonautica»). В 1910 г. я женился и к 1915 г. имел уже троих детей.

1904 г. я одновременно с учебой имел самостоятельный заработок «репетиторство», с чего и начинается моя педагогическая работа, а с 1912 г. стал преподавателем средней школы в Одессе (гимназии Панченко, Мяченко и казенная 5-я) по латинскому и греческому языкам, истории (гл. обр. древней) и кроме того, по русскому языку (курс 5 класса: «Народная и древнерусская словесность»), французскому языку и географии.

Участник подпольных ученических кружков «самообразования» в Варшаве и Одессе с

1902 г. я, благодаря руководителю кружка студенту-меньшевику с весны 1905 г. познакомился с марксизмом через плехановско-каутские очки, результатом чего было усвоение мною вредного и контр-революционного меньшевистко-кадетского фетишизации буржуазного государства, от которого я освободился только со временем начиная с 1921 г., когда я прочитал непосредственно первое (для меня) произведение В. И. Ленина, его речь о продналоге, захватившую меня, как историка активизовавшую к углубленной работе над собою с тех пор не прекращавшуюся и уже к 1930 г. приведшую на совершенно противоположную позицию, позицию непримиримой борьбы против буржуазного государства.

С основанием в Одессе в конце 1917 г. Народного Университета был его лектором, а по его ликвидации в 1921 г. членом лекторского бюро Политпросвета. После ликвидации I.VII.1920 г. гимназии я был назначен заведующим школой-клубом № 11, каковую сформировал и организовал, заведывая ею до приглашения меня на работу в Одесский Историко-Археологический Музей (бывший Од Общества истории и древностей) на должность демонстратора. В Музее этом, я затем непрерывно работал до 15.VII.1933 г. в разных должностях (от хранителя-демонстратора в 1921 г. до зам. директора по научной части и директора в 1930—1933 г. г.). С назначением меня Директором Музея в 1930 г. мною к 1932 г. произведена была коренная его реконструкция на основе глубокой проработки со всем коллективом научных сотрудников Музея трудов Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, за что я был премирован НКП УССР, но в то же время, до оформления в экспозиции Музея достижений работы 1930—1932 г. г. я был заменен в должности Директора разоблаченным через несколько лет после того польским шпионом и диверсантом В. Ф. Ковальским, который с первых же своих шагов в качестве Директора Музея повел линию на дискредитацию марксистской реконструкции Музея, ее вальгаризации и прямого разрушения как самого Музея, его ценнейших коллекций, порчи уникальных экспонатов, разазаривания ценнейшей библиотеки, растрачивания без пользы всех отпускаемых на Музей кредитов, прекращения научно-исследовательской работы Музея и разгона с политической дискредитацией высококвалифицированных советских научных кадров сотрудников Музея.

Сигнализация моя о наглой разрушительной работе Ковальского в соответствующие ведомственные инстанции и органы ОГПУ была истолкована как антипартийное выступление против партийного директора со стороны беспартийного «старого специалиста» — и я сначала был уволен с должности Зам. Директора по научной части, которую занимал в 1932—3 г. г., а затем, благодаря связям Ковальского в тогдашнем центре УССР, Харькове, где я по совместительству с Одессой, как незаменимый специалист, работал заведующим отделом археологии и сектора

работавладельческого Общества в Ин-те Истории Укр. Культуры им. акад. Д. И. Багалия, после столкновений с буржуазно-националистическим руководством Ин-та, был уволен с работы в Ин-те, а после попыток апелляции в НКП УССР (Нарком Затонский и Зам. Наркома Хвьяля) и в ОГПУ (Балицкий) был в 1934 г. арестован и после короткого пребывания в Харькове доставлен в Одессу, где закулисным руководителем «дела» против меня был уже упомянутый Ковальский, организовавший дачу против меня ложных клеветнических показаний, как я узнал об этом по возвращении в Одессу в начале 1939 г. после пятилетней незаслуженной мною ссылки, когда сам Ковальский, уже разоблаченный, был репрессирован.

Одновременно с работой моей в Музее, на какой я руководил с 1923 по 1933 г. г. подготовкой аспирантов, я вел самостоятельные полевые археологические исследования в Усатове под Одессой с 1921 г. по 1933 г. и вернулся к ним по возвращении в Одессу в 1939—40 г. г., что открыло науке ранее неизвестную своеобразную усатовскую культуру начала 2-го тысячелетия до н. э., первых освоенных коня в нашем Степном Причерноморье, в 1924—1931 г. г. продолжал на о. Березань раскопки своего учителя Э. Р. Штерна, впервые открыв там: 1) остатки древнейшего догреческого населения острова, современного первым шагам греческой колонизации в Сев. Причерноморье, а также 2) поселения римских времен I—IV вв. н. э. и 3) древнерусскую Березань X—XIII в. в. н. э., которые оставались вне поля зрения Штерна. В 1924—29 г. г. я принимал участие также в раскопках древне-греческой Ольвии, а в 1931—2 г. г. руководил там работами в качестве Начальника объединенных Археологических Экспедиций НКП УССР. В Ольвии мною обращено было внимание на туземные погребения с древнейшим греческим инвентарем, современным заселению греками Березани VII—VI в. в. до н. э. и на следы использования развалин Ольвии для строительства в ее окрестностях в XIV в. Сотрудничество с работниками Ленинградского Ин-та Ист. мат. культуры (ГАИМК), руководимого акад. Н. Я. Марром соприкасался по работе члена Паритетной комиссии от УССР по обмену музейными ценностями между УССР и РСФСР при ЦИК'е СССР в 1929—34 г. г. в какой Н. Я. Марр был председателем.

В 1920 г. и начале 1930 г. я кроме службы в Музее и научно-исследовательской работы, вел также преподавание в Одесском Археологическом Ин-те и в Одесском Институте Народного Образования, а также в Фотокинотехникуме.

В период с 1925 г. по 1934 г. был избран членом многих советских и зарубежных ученых организаций и приглашался на все научные съезды, конгрессы и конференции по моей специальности (Лондон, Оксфорд, Берлин, Барселона, Стокгольм, Харьков, Керчь, Херсонес и др.).

Заброшенный летом 1934 г. в ссылку на Дальний Восток, я, только благодаря моей непреклон-

ной вере в свою правоту и торжество справедливости, которая не может не раскрыться в дальнейшем, и веря в партию и Советскую Власть, а также благодаря наличию у меня глубоких научно-исследовательских интересов, получивших здесь удовлетворение на почве соприкосновения с живыми носителями самых разнообразных языков, историко-археологический интерес к которым во мне пробудился был влиянием Н. Я. Марра еще с 1924 г., я пережил почти 5-летнюю ссылку и ряд тяжелых болезней, вызванных неблагоприятными климатическими условиями.

По возвращении в Европу в начале 1939 г. я был привлечен к работе в Одесском Историческом Музее сначала консультантом, а затем ученым секретарем, при чем пришлось ликвидировать последствия вредительства Ковальского и других врагов народа в 1933—8 г. г., а с осени 1939 г. преподавал в Одесском Гос. Ун-те латинский и др. греч. языки на филологическом факультете. После раскопок в Усатове 1939—40 г. г. выступал на IV научной конференции Ин-та Археологии Академии Наук УРСР в Киеве в январе — феврале 1941 г. об усатовской культуре. В плане работы моей по Ун-ту мною за 1939—41 г. г. мною за 1939—41 г. г. была подготовлена большая работа «Легенды о происхождении скифов у Геродота» — к этногонии Евразии — на 12 печатных лист. — построенная мною помимо данных письменных историч. первоисточников, на данных собственных моих полевых археологических исследований и «раскопках» в языках и фольклоре современных народов СССР и соседних. Имел в виду представить работу осенью 1941 г. к защите как докторскую диссертацию, но осада Одессы и эвакуация сорвали завершение этого плана. Не имея возможности по состоянию здоровья следовать с Ун-том походным порядком из Одессы в Бердянск, я выехал последним эшелонам по ж. д. как член семьи военнотруж. комсостава и таким образом оторвался на 2 года от Ун-та. Зимой 1941—42 г. г. работал счетоводом Колхоза на ст. Чир Сталинградской обл., а по эвакуации отсюда в 1942—3 г. г. преподавателем Ново-Киевской средней школы Халиловского р-на Чкаловской области, откуда и был вызван телеграммой Ректора Одесского Гос. Ун-та в Байрам-Али для продолжения здесь преподавательской работы в Одесском Ун-те по прямой моей специальности и в соответствии с научной квалификацией.

8.IV.44 г. в Байрам-Али я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сказочные муравьи Геродота и историческая реальность», в которой опирался на созвучии одного из названий скифов — Скудра (в Ахеменидских надписях) с латышским словом «Скудра» в значении «муравей», подкрепляемым словами, имеющими в основе своей тоже скифское племенное слово в ином (диалектически) звучании, притом в удвоенной форме. В языках мордовском «куд-куд-ау», чувашском «кэт-кэт» и мегрельском «чки-чткития» все три в одном и том же значении «муравья», и доказал, что Геродотовы, «живущие под

землею и стерегущие золото муравьи, отличающиеся чрезвычайным проворством не что иное как центрально-азиатские добывающие золото скифы». Связь скифов с золотом реально-историческая и лингвистическая давно уже была доказана Н. Я. Марром. В ответе нашего толкования Геродота: 1) сугубо локализируются в нашем Северном причерноморье слова Эсхила в «скованном Прометее», уже сюжетом своим принадлежащим Причерноморской (Кавказской) Скифии: «*Люди долго домов, открытых солнцу, строить не умели из кирпичей иль бревен, но в земле, как муравьи проворные гнездились во тьме сырых землянок и пещер*» (перевод Мережковского), 2) получают этнический туземно-скифский смысл топонимические обозначения Северного причерноморья Мирмекий, Парфений и Ахиллей, находившиеся при Керченском проливе друг подле друга в тесной связи очевидно с туземным культом Девы (Гекаты) и скифского Ахилла в западном причерноморье в римскую эпоху Понтарха, совершенно вытеснившего из представлений северно-причерноморских в качестве владыки водной стихии понийского Посидона, 3) представляются совершенно в новом свете: а) эпитет любимого героя русского народного эпоса Ильи Муромца — «Муромец», «Моровец», «Мравлин» и «Бравлин», уже А. Н. Веселовским сопоставленный с муравьями — мирмидонянами, как «скифский», «скудрский», «сколотский, а не «мурманский» — «Норманский», (само имя Илья приводится вам в связь не с библейским Ильей и не со скандинавским Хальги, а с Геродотовским Липоксаем в нашей основной работе, ныне представляемой на соискание степени доктора исторических наук), б) Муравский шлях по, которому крымские татары делали свои вторжения на средне-русские территории, а раньше скифы-сколоты, наконец в) «Кудриянское» царство нашего эпоса, представляемое в нем как неверное и басурманское, враждебное в стиле позднейшей Золотой Орды, вполне понятное, если за творцов эпоса, его ядра мы примем не кочевников — царских скифов, а те земледельческие исконные племена, героем которых был Илья Муромец.

Диссертация моя была встречена очень тепло ученым Советом Одесского Университета и получила особенно высокую оценку от рецензента проф. Р. М. Волкова, как специалиста по русскому народному фольклору.

С 1944—45 акад. года уже опять в Одессе, я в звании доцента заведу кафедрой классической филологии и веду преподавание на филологическом факультете древне-греческого языка и истории античной литературы, а на историческом факультете — древней истории (первобытное Об-во, Восток, Греция) и спецкурс по истории древне-греческой колонизации) и основ археологии, совмещающая эту работу с ученым секретарством в Одесском Историческом Музее.

ДОЦЕНТ КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК (БОЛТЕНКО М.)

13 июля 1945 года